

Ирина Морева

По мере необходимости

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Морева

По мере необходимости

«Автор»

2026

Морева И.

По мере необходимости / И. Морева — «Автор», 2026

Дебютная вампирская фэнтезя (без крови, секса, магии и мистики),
написанная уборщицей без образования с помощью нейронок.

© Морева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	26
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	32

Ирина Морева

По мере необходимости

Глава 1

2010 год

Томас Бланко живет своей размеренной бессмысленной гнетущей жизнью в Нью-Йорке. Днем он журналист, пишущий об искусстве, ночью выполняет заказы по подделке документов. Отец живет в Майами в Пальметто-Бей, но своими постоянными звонками с удушающей нарциссической заботой не дает Томасу обрести настоящую свободу. Однажды Томас получает письмо (закидывают под дверь или приносит курьер).

«Здравствуйте, мистер Бланко. Если хотите узнать правду о своем происхождении, уверяю, она вас поразит, приходите завтра в 14:00 в кафе лобби отеля The Carlyle. Оглядываться не нужно, я приду один. С уважением, ваш биологический родственник»

Томас заходит в лобби, внимательно разглядывая людей. К нему подходит самоуверенный парень лет двадцати с небольшим. Блондин, бледная кожа, россыпь веснушек, светло-голубые глаза. Слишком молодо и небрежно выглядящий для серьезного разговора, по мнению Томаса. - Мистер Бланко. Здравствуйте. Это я вам писал. Нам нужно многое обсудить.

Томас, раздираемый недоверием и любопытством: - Кем вы мне приходитесь?

- Сейчас это не важно. Вы хотите знать, кто ваши настоящие родители?

Томас на мгновение замер, не зная, что ответить. Он только вчера получил письмо, намекающее, что родители ему не родные. Ломая голову, кому и зачем это нужно, и что от него хотят, он решил испытать судьбу. Вокруг пальца его не обведут, не на того напали, а развлечься лишний раз не помешает. - И кто же они? Поразите меня (немного издевательским тоном).

Парень уловил интонацию и продолжил: - Вашего отца звали Карлос Силва, а мать Ильза Гессен. Вы родились в Буэнос-Айресе, в тюрьме ЭСМА. После рождения вашу мать накачали седативными, раздели и сбросили с вертолета в Атлантический океан. Мне продолжать?

Томас почувствовал легкий холодок по всему телу. У него не было причин верить этому странному парню, но его слова подтверждали то, что он всю жизнь чувствовал – он в этой семье чужой. - Продолжайте. - Сухо проронил Томас.

- Ваш дядя Дитрих оставил вам скромное состояние в Швеции. Вы можете вступить в наследство в любой момент, после прохождения ДНК теста.

- Сколько? - Спросил Томас с легким раздражением.

- Несколько миллионов евро, вложенных в недвижимость. И документы, которые позволят отсудить сотни миллионов, если не миллиарды.

- А вам что за интерес? На каком этапе вы потратите денег? Что вам от меня надо? - Томас начинает закипать.

- Ваш дядя просил перед смертью найти вас, что я и сделал. В этой папке небольшая часть документов, которые ждут вас в Швеции. Я дам вам время подумать. Если согласитесь, вас будут ждать в Стокгольме по указанному адресу в любое время. - Парень протягивает ему папку.

Сев в машину, Томас открывает папку, в которой видит бумаги об аресте его родителей, рождении у Ильзы мальчика и досье на Роландо Мендосу, разыскиваемого палача ЭСМА, в котором узнает своего отца, Роберта Бланко.

Томас сидит в машине, смотрит на досье Мендосы и понимает: он не может просто жить дальше. Ему нужно увидеть этого человека. Он покупает билет на ближайший рейс до Майами.

Звонок. Роберт открывает дверь.

- Томас? Сынок, почему ты не позвонил?? Что-то случилось? Что-то с Эмили?

Томас хотел сказать ему многое, но слова застряли в горле. Он машинально обнимает отца. С огромным трудом, подавив в себе эмоции, Томас почти спокойно произносит: - Просто захотелось тебя увидеть.

Они проходят на кухню, Роберт садится напротив и вкрадчивым голосом спрашивает: - Ну, что у тебя случилось? Давай, рассказывай.

- Что... что ты... чем ты занимался... в ЭСМА?

Роберт побледнел. Встал. Налил воды и сел обратно. - Сынок, я просто выполнял приказы. У меня не было выбора.

После небольшой паузы: - Они нашли меня.

Томас закатил глаза: - Нет. Пока нет...

- Сынок, мне придется исчезнуть. Ты должен знать, то, что будут про меня рассказывать – ложь. Я не монстр. Я забрал тебя из ада, в котором ты родился. Томми, посмотри на меня. Я заботился о тебе, любил тебя.

- Что произошло с моей матерью?

- Тоже, что и с остальными. Это был конвейер. Здесь нет моей вины. Я ничего не мог сделать.

- Да. Как и все вы... Никогда не думал, что имею к этому отношение... Уволиться не пробовал?

- Я бежал, как только представилась такая возможность. В чем ты меня упрекаешь? Ты не знаешь, как я рисковал. Я должен был защитить тебя и мать.

- Ты собирался мне рассказать?

- Нет. Для твоего же блага. После паузы: - Я оберегал тебя, как мог. Теперь мне нужна твоя помощь. Сколько у меня времени?

- Думаю, немного.

Роберт поднялся и замер. - А как они на тебя вышли?

- Какой-то странный парень вручил мне папку с твоим досье со словами, что дядя в Швеции оставил мне наследство.

- Почему «странный»?

- Не знаю, трудно объяснить. С ним что-то не так... Прости, я больше не могу. Мне надо развезься.

Томас быстро вышел из дома, сел в машину и уехал. Роберт направился к сейфу. Он уже собрал один чемодан, когда раздался звонок.

- Сынок, это ты? - Роберт кинулся к двери. Система видеонаблюдения ничего не показывала.

В дверях стоял молодой парень, лет двадцати с небольшим. Блондин, бледная кожа, россыпь веснушек, светло-голубые глаза. - Привет, Роландо. Давно не виделись Роберт попятился.

Томас возвращается к дому отца. Звонит. Никто не открывает. Трогает ручку двери, она поддается.

- Папа... Папа, ты где?

Томас поскальзывается. Осознание приходит не сразу – это кровь.

- Папа?

Он замечает отца, лежащего на полу. Ему уже не помочь. С трудом поднявшись с пола, аккуратно снимает обувь, идет в спальню, видит собранный чемодан с самым важным (паспорта, слитки, наличка) и забирает его. Затем приступает к зачистке дома.

Томас идет в гараж, берет плотные строительные мешки, брезент и перчатки. Он не паникует. Отключив эмоции, он заворачивает тело отца в брезент, стягивая его скотчем и перетас-

кивает в багажник отцовского внедорожника. Затем возвращается на кухню оттирать кровь с пола. Забирает в машину ноутбук и телефоны отца, и собранный им чемодан, освободив его от слитков и налички. Забирает из гаража штангу и садится за руль.

Эверглейдс.

Глубокой ночью, на машине отца Томас едет по шоссе в сторону болот. Он сворачивает на грунтовую дорогу, уходящую вглубь болот. Вокруг абсолютная тьма, стена тростника и крики ночных птиц. Томас с трудом достает тело. Приматывает к нему скотчем диски со штанги и толкает оставшимся штырем тело в стоячую воду. Вернувшись в пустой дом на рассвете, Томас тщательно протирает машину отца и все поверхности в доме. Подходит к регистратору системы видео наблюдения и, к своему огромному удивлению, находит его выломанным и без жесткого диска внутри.

- Черт.

Томас забирает поврежденный регистратор и садится в свою машину.

Стокгольм. Юридическая контора «Lindahl & Partners» в Гамла Стан Томас заходит в красивое старинное здание. Внутри — дубовые панели, ковры, глушащие шаги, и идеальная, звенящая тишина. Его встречает пожилой, безупречно одетый адвокат и приглашает в переговорную. Адвокат при Томасе вскрывает стерильный сертифицированный набор.

- Позвольте.

Он проводит ватной палочкой по внутренней стороне щеки Томаса. Запечатывает ее в сейф-пакет со штрих кодом. Томас и адвокат подписывают протокол идентификации, где фиксируется точное время и паспортные данные Томаса (его американский паспорт на имя Томаса Бланко).

- Спасибо. Оставьте свои контактные данные секретарю. Мы с вами свяжемся. - Сколько времени это займет? - От трех до пяти дней.

Томас идет по темным переулкам Гамла Стан под проливным холодным дождем. Он измотан, напряжен воротник пальто поднят, на руке поблескивают часы деда. Он постоянно сканирует толпу. Ему кажется подозрительной аккуратная блондинка со стаканчиком кофе. Стоит Томасу свернуть за угол - блондинка исчезает, но на противоположной стороне дороги появляется мужчина в наушниках, который даже не смотрит на Томаса, а просто идет параллельным курсом. Томас решает проверить подозрения. Он заходит в сувенирную лавку, стоит там 10 минут, резко выходит и садится в случайное такси. Разворачиваясь, он видит в заднее стекло, как от обочины плавно трогается тот самый серебристый универсал Volvo V70, который он видел утром у отеля. Машина не прижимается к такси, она держится через два автомобиля позади, аккуратно и неотступно. Томас понимает, что его не хотят арестовать. Если бы хотели — полиция взяла бы его еще в аэропорту Арланда. Эти люди просто фиксируют каждый его шаг. Чего они ждут? Что им нужно? Паранойя Томаса достигает пика: он начинает видеть шпионов в каждом встречном.

Снова тот же дубовый, мертвенно-тихий кабинет юридической конторы в Гамла Стан. За окном серый стокгольмский рассвет. Томас заходит в кабинет абсолютно уничтоженным. Лицо бледное, серое от бессонницы, глаза воспаленные. За эти 4 дня он почти не спал, вздрагивая от каждого шороха в коридоре Grand Hotel. Пожилой адвокат молча пододвигает к нему распечатку официального заключения Государственной лаборатории судебной медицины.

- Родство подтверждено, мистер Бланко. Поздравляю. Вы - единственный владелец активов фонда Дитриха Гессена. Его голос звучит мягче, вежливый шведский нейтралитет сменяется глубоким уважением. - Я должен вам все передать. И указывает на три коробки, стоящие на полу. Затем кладет на стол небольшую коробку с несколькими связками ключей и отдельную связку ключей + современный пластиковый чип-ключ от ворот. - Вилла в Сальтшёбадене теперь ваша. Господин Гессен прожил там последние тридцать лет. Дом полностью принадле-

жит вам. Все счета будут переведены на ваше имя в течении ближайшего времени. Наши юристы помогут войти в курс дела. И я должен спросить, собираетесь ли вы менять фамилию?

- Да. Я хочу взять фамилию матери.

Лицо Томаса было настолько каменным, настолько отстраненным, что адвокат беспокоился о его состоянии - Хорошо, мы сейчас вызовем вам такси, и секретарь поможет вам перенести вещи.

Томас садится в такси, за которым спокойно следует серебристый Volvo, держась на небольшом расстоянии.

Дом Дитриха - огромный, холодный, пустой. Мебель накрыта белыми чехлами. За панорамными окнами - серый шведский фьорд, свинцовая вода и суровые сосны. Томас проводит здесь первые несколько дней в полном одиночестве. Камера показывает его быт: он почти не ест, пьет крепкий кофе, ходит по пустым комнатам в шерстяном свитере Дитриха. Его лицо по-прежнему осунувшееся, изможденное. Он пытается прийти в себя после Майами и Эверглейдс, но тишина этого дома давит. Он раскладывает стопку папок на большом дубовом столе на кухне, открывает ноутбук. Продвигается медленно – юридический шведский язык семидесятых - восьмидесятых годов дается тяжело, мозг буксует от усталости. На фоне звучит очень тихая, монотонная, меланхоличная музыка (эмбиент, например). Слышен только шорох бумаги и далёкий шум прибоя за окном. Томас находит среди папок толстый крафтовый конверт. На нём написано красивым почерком Дитриха: «Сан-Исидро. Последний день». Томас аккуратно открывает его. Внутри — пачка ярких глянцевых фотографий 1976 года.

Камера переключается на крупные планы фотографий, которые Томас держит в руках: Первое фото: Ильза Гессен (его мать). Она молодая, красивая, смеётся, в руках у нее молочный коктейль с трубочкой. На ней лёгкое летнее платье. Томас всматривается в её лицо, пытаясь найти свои черты. Второе фото: Отец семейства, Вильгельм Гессен. Он сидит в плетёном кресле на веранде залитой солнцем аргентинской виллы. В его руке — бокал белого вина, он мягко улыбается в камеру. На его запястье отчётливо видны те самые часы, которые сейчас тикают на руке у Томаса. Он берёт следующее фото. Музыка резко, с неприятным скрежетом или глухим ударом обрывается. Наступает абсолютная тишина. Камера показывает крупный план лица Томаса. Его глаза расширяются, дыхание перехватывает. Взгляд прикован к снимку. Он начинает судорожно, перебирать оставшиеся фотографии в конверте. Выдергивает из пачки ещё три-четыре фото и выкладывает их на стол, очищая пространство от других бумаг.

Камера медленно отъезжает, показывая Томаса сверху. Он сидит, опираясь руками о стол, и смотрит на свою раскладку. На столе перед ним лежат фотографии из Аргентины 1976 года. На них молодой, счастливый, улыбающийся Вернер Гессен, младший брат Дитриха и Ильзы, на фоне пальм Сан-Исидро. Томас достает из кармана свой телефон 2010 года и кладет рядом со снимками — на экране смартфона высвечивается стоп-кадр с камеры наблюдения из Нью-Йорка, где странный собеседник Томаса запечатлен неделю назад в отеле The Carlyle. Между этими кадрами — 34 года разницы, но человек на них не изменился ни на один день.

22-ое сентября, 1976-го года. Вечер на вилле в Сан-Исидро. Ильза сияет, Карлос обнимает её за плечи. Они объявляют, что ждут первенца. Отец открывает дорогое шампанское. Мать целует Ильзу и обнимает Карлоса. Вернер искренне рад — он станет дядей. У кого-то в руках новенький японский фотоаппарат. Делается серия снимков: Смеющийся Вернер в светлой теннисной рубашке держит бокал. К воротам подкатывают те самые «Форд Фальконы». Вооруженные люди в гражданском (офицеры флота) врываются в дом. Праздник обрывается мгновенно. Крики, битая посуда. На всех надевают наручники и черные капюшоны.

Военные начинают мародерствовать. Один из офицеров забирает фотоаппарат. Пленка внутри него будет проявлена в лаборатории концлагеря ESMA для «картотеки задержанных».

Глава 2

Вильгельма и Шарлотту привезли на закрытую комфортабельную виллу в пригороде Буэнос-Айреса. На окнах не было ручек, а по зданию и вокруг него регулярно ходили вооруженные люди. Им не задавали вопросов. Кормили вовремя, приносили свежие газеты, в которых не было ни слова о ночных арестах. Эта вежливая изоляция пугала сильнее открытых угроз. Все эти дни они тихо перешептывались между собой опасаясь гипотетических микрофонов.

- Если бы они хотели нас убить, нас бы не держали здесь. Это ошибка, Вильгельм. С детьми всё будет хорошо. Нас скоро отпустят.

Вильгельм молчал. Он понимал: людей, которых собираются отпустить, не перевозят в машинах с занавешенными окнами под конвоем из четырех вооруженных офицеров.

На четвертый день их привезли в ЭСМА. Иллюзии растаяли на КПП. Конвоиры больше не притворялись вежливыми. Вильгельма и его жену грубо толкнули в холодную распределительную комнату с голыми бетонными стенами. - Ждите здесь.

Вильгельм и Шарлотта погрузились в запахи подвальной сырости, хлорки и крови, и звуки далеких криков, которые заглушались гулом работающих генераторов и вентиляции, что превратило минуты ожидания в настоящую пытку. Каждый шорох в коридоре заставлял их вздрагивать. Они ждали, что дверь откроется и капитан скажет, что недоразумение уладилось, а Ильза и Вернер, невредимые, уже ждут их в машине.

Когда дверь открылась, охранник жестом приказал следовать за ним. Их вели по бесконечным, душным коридорам подвала. В самом конце конвоир толкнул неприметную деревянную дверь. Вильгельм сделал шаг и замер. В полумраке комнаты, прямо на грязном полу, сидели Вернер и Ильза. На них почти не было живого места — порванная одежда, кровоподтеки, серые, изможденные лица. Ильза подняла голову, ее глаза расширились. Она попыталась приподняться, но стоящий рядом солдат наотмашь ударил её прикладом по плечу. Вернер даже не шелохнулся, лишь хрипло выдохнул.

- Назад! Рывкнул конвоир, вскидывая автомат перед Вильгельмом, который рванулся к дочери. - Смотреть можно. Разговаривать нельзя. Пошли! И вытолкнул их обратно в коридор.

Их подняли на верхний этаж, в просторный, залитый солнцем кабинет начальства. Под ногами был мягкий ковер, на стене висел портрет генерала Виделы. За массивным дубовым столом сидел любезный капитан в безупречно отглаженной форме военно-морского флота. Рядом с ним, в элегантном сером костюме, стоял худощавый мужчина с кожаной папкой - приглашенный юрист, чей вид излучал профессиональное спокойствие.

Конвоиры указали им на два кресла, стоящие перед столом капитана. Когда Вильгельм и Шарлотта сели, конвоиры отошли к стене и передернули затворы.

- Добрый день, господин Гессен. Мягко, почти сочувственно произнес капитан, прикуривая сигарету. - Произошла досадная путаница. Ваши дети оказались втянуты в дела левых радикалов. Но мы готовы пойти вам навстречу. Подпишите эти бумаги. Здесь отказ от аргентинских активов, передача прав на недвижимость и доверенности на управление счетами в пользу... определенных фондов. ...И мы отправим всех вас частным рейсом в Стокгольм, к сыну. ...Вы должны понимать, это лучшее, что мы можем сделать в вашей ситуации.

Юрист сделал шаг вперед, аккуратно разложил на столе плотные бланки документов и протянул Вильгельму дорогую перьевую ручку. - Дон Вильгельм. - Вот здесь, пожалуйста, дон Вильгельм. И на следующем листе тоже.

Вильгельм посмотрел на ручку в своей руке. Он понимал, что это ложь. Никто не оставит их в живых после того, что они увидели в подвале. Но краем уха он всё еще слышал тихий плач жены рядом. В её глазах была мольба - сделай всё, что они просят, лишь бы спасти детей.

Не говоря ни слова, Вильгельм подписал все, что ему подсунули. Юрист аккуратно, стараясь не размазать чернила, забрал все листы, проверил подписи и удовлетворенно кивнул капитану.

Капитан затушил сигарету в пепельнице. Его вежливая улыбка мгновенно исчезла, уступив место равнодушной пустоте. Он едва заметно кивнул солдатам за спиной пленников, после чего один из них вышел и вскоре вернулся вместе с доктором.

Доктор достал из своего чемоданчика ампулу со шприцом и обращается к Шарлотте: - Мадам, позвольте, это легкое успокоительное, у вас сильный шок.

Шарлотта вопрошающе смотрит на мужа, который уже ни на что не надеется - Все в порядке милая, так будет лучше.

Затем доктор обращается к Вильгельму: - Вам тоже нужно успокоиться, впереди длинный перелет.

Вильгельм смотрит на шприц, переводит взгляд на обмякшую в кресле жену, затем смотрит на капитана. Капитан, совершенно не таясь, достает из ящика стола часы снятые с Вильгельма при аресте и спокойно надевает их себе на руку.

Вильгельм медленно, без единого слова, сам расстегивает пуговицу на манжете и аккуратно закатывает рукав дорогой рубашки. В его движениях нет страха, есть только полное принятие своей участи. Вильгельм протягивает руку врачу. Он смотрит не на иглу, а прямо в глаза капитану.

Камера начинает медленно плыть, имитируя действие пентотала. Картинка размывается. Мы видим, как голова Вильгельма опускается на грудь. Его рука соскальзывает с подлокотника кресла, ладонь раскрывается.

Глава 3

Вечер. Томас сидит на кухне, пьет кофе, а на дубовом столе перед ним разложено несколько папок. Внезапный звонок заставляет Томаса вздрогнуть. Он подходит к интеркому и видит на экране Эмили. Она стоит перед воротами под дождем, с дорожной сумкой, растерянная и промокнувшая.

Томас нажимает на кнопку открытия ворот, открывает дверь в дом и безучастно наблюдает, стоя в дверном проеме, как Эмили вынуждена переться под дождем и без зонтика эти гребанные сорок метров.

Эмили заходит в дом, бросает сумку на пол и обнимает Томаса. - Боже, Томми... До тебя невозможно дозвониться. Телефон вечно вне зоны.

Томас холодно отстраняется, закрывает дверь на все замки, проверяет, плотно ли прилегают шторы на окнах, и только после этого поворачивается к ней. Его лицо осунувшееся, под глазами темные круги. - Я ждал тебя утром.

- И что?? Что с тобой? Ты здоров? Томми, ты можешь со мной поговорить? ...Ладно, черт с тобой, мне надо принять душ. Покажи мне мою комнату.

Томас провожает раздраженную Эмили в ее комнату, а сам возвращается на кухню, к своему остывающему кофе. Через двадцать минут к нему спускается Эмили и нежно берет его за руку.

- Что происходит? Ты мне расскажешь?

Томас срывается на слезы и обнимает ее. Он не знает, с чего начать, не знает, можно ли ей доверять, но ему очень не хочется проходить через это одному. - То, что я тебе расскажу, звучит как безумие...

И он рассказал. Выборочно. Слезливо. Ровно столько деталей, чтобы она ужаснулась и посочувствовала ему. Рассказал, что хочет во всем разобраться, но боится. Она слушала, кивала, гладила его по руке. Его слёзы давно высохли, но он продолжал хлюпать носом для достоверности.

В тот вечер было выпито много чашек кофе.

- Томми, может не будем в это ввязываться? Бросим все и вернемся в Нью-Йорк?

Томас на мгновение задумался. Её слова звучали уютно, безопасно, по-домашнему. Но за ними была слабость. Эмили хотела сбежать. Сбежать от правды, от риска. Сбежать от него, если он станет слишком опасным.

- Нет, я не могу. Мне надо во всем разобраться. Для чего-то же я родился в том аду.

- Хорошо, тогда пройдем через это вместе.

Томас улыбнулся: - Спасибо, я знал, что могу на тебя положиться.

На утро оба пытаются придать своему быту признаки нормальности, с трудом понимая, как она теперь выглядит. Тосты, яичница и кофе? Ок, уже немного легче. Хотя бы сейчас понятно, что надо делать в текущем моменте. Томас сидит перед тарелкой, мечтая, чтобы это длилось как можно дольше, когда тишину дома снова прерывает звонок интеркома. Томас и Эмили испуганно переглядываются. Том быстро подходит к экрану. У ворот виллы стоит роскошный черный седан, а перед камерой пожилой, невероятно элегантный мужчина лет семи-десяти. На нем дорогое пальто, кашемировый шарф, в руках зонт-трость. Он тепло, открыто улыбается прямо в объектив камеры и держит в руке визитную карточку.

Томас включает связь: - Кто Вы?

- Мистер Бланко, прошу прощения за столь ранний визит. Меня зовут Улоф Линдквист. Я был близким другом вашего дяди Дитриха. Я узнал от адвокатов, что вы прилетели, и просто не мог не приехать.

Томас колеблется, но любопытство заставляет его нажать кнопку разблокировки ворот. Через пару минут он впускает старика в дом. От Линдквиста пахнет дорогим парфюмом и дождем. Он вежливо кивает Эмили и проходит на кухню, словно бывал здесь сотни раз. - У вас прекрасная спутница, Томас. Дитрих был бы счастлив знать, что этот дом снова ожил.

Линдквист садится на стул, аккуратно складывая зонт. Он бросает мимолетный, профессиональный взгляд на разложенные документы, но его лицо остается абсолютно безмятежным. - О, любимый кофейник Дитриха. Он купил его на барахолке в Копенгагене лет десять тому назад.

Томас садится напротив, не сводя с него напряженного взгляда.

- Я вижу, вы уже начали изучать архив. Тяжелое чтение, не так ли? В шведских спецслужбах сейчас паника. Пять лет назад истекли сроки секретности по ряду старых внешнеэкономических сделок с Латинской Америкой. Они боятся, что вы, как американский журналист, раздуете скандал на пустом месте. Дитрих перед смертью сильно повредился рассудком, искал заговоры там, где их нет... Государственная машина неповоротлива, Томас. Вы ведь понимаете, о чем я?

Томас смотрит на него вопрошающе.

- Я здесь, чтобы предложить вам полную, абсолютную поддержку. У меня остались связи в правительстве. Если вам понадобятся лучшие юристы, охрана виллы или помощь в переводе этих сложных шведских документов, я все устрою. Мои люди сделают это конфиденциально. Вы в безопасности, Томас. Вы - наследник Дитриха Гессена, а Швеция умеет защищать своих граждан. Отдыхайте, обустраивайтесь. Вот мой личный номер.

Линдквист кладет на стол тисненую карточку, поднимается, еще раз тепло улыбается Эмили и направляется к выходу. - Подумайте над моим предложением. Мы восстановим справедливость вместе.

Томас провожает незваного гостя, затем возвращается на кухню, где сидит испуганная Эмили.

- Зря я его купила (глядя на кофейник). - Нет, не зря.

И они снова обнимаются.

Июнь 1976 года. Буэнос-Айрес, закрытый дипломатический прием в роскошной резиденции шведского посла (Palacio Goti) на Avenida Alvear. На улице промозглая южноамериканская зима. Внутри хрусталь, шампанское, рафинированная европейская элита, дорогие костюмы шведских промышленников и строгие парадные кители аргентинских генералов.

Молодой Улоф Линдквист, специальный представитель Министерства торговли Швеции, приглашает адмирала Массеру и его прихвостня, капитана-переводчика в сигарную комнату. Шум светского приема, звон бокалов и звуки классического квартета остаются за тяжелой дубовой дверью.

Линдквист (через капитана-переводчика, прикуривая сигару): — Господин Массера, Его Величество и наше правительство с большим пониманием относятся к необходимости «реорганизации» Аргентины. Нам близок ваш консерватизм. Стабильность в Латинской Америке — это то, в чем Стокгольм кровно заинтересован.

Массера (сухо кивает, его лицо неподвижно): — Благодарю, господин Линдквист. Мы выжираем марксистскую заразу раскаленным железом. Но для полной победы христианского Запада нам нужно оружие. Модернизация флота и береговой артиллерии застряла. Ваши заводы в Карлскуге затягивают подписание контрактов на поставку систем наведения.

Линдквист (выпускает дым, мягко улыбается): — Вы же понимаете, генерал... Поправка Кхана-Лонга в США, давление правозащитников в Европе. Мы — нейтральная, мирная страна. Мы не можем напрямую продавать электронику для военных кораблей режиму, который... скажем так, находится в процессе внутренней трансформации. Газеты в Стокгольме поднимают вой. Правительство падет. Это исключено.

Массера (жестко): — Тогда зачем мы здесь разговариваем?

Линдквист (делает шаг ближе, его тон становится тише и деловитее): — Швеция не может продать вам системы наведения. Но Швеция может продать гражданские патенты и навигационные чипы для мирных торговых судов. Нам нужен легальный шлюз внутри вашей страны. Концерн, который примет наши технологии, переведет деньги через чистые шведские банки и соберет конечный продукт прямо здесь, в порту Буэнос-Айреса. Без маркировки «Сделано в Швеции».

Массера (смотрит на капитана, затем обратно на Линдквиста): — У нас есть такой концерн. Química GH. Семья Гессенов. У них идеальная репутация в Стокгольме.

Линдквист (вздыхает, качает головой с наигранным сожалением): — В этом и кроется трагедия, генерал. Вильгельм Гессен — человек ушедшей эпохи. Либерал. Гуманист. Прошлым вечером я ужинал с ним. Знаете, что он мне сказал? Что скорее закроет заводы, чем позволит вашим офицерам переоборудовать хотя бы один конвейер под нужды армии. Он боится за свою репутацию в Европе. Наотрез отказался подписывать соглашение о «двойном назначении» технологий. (В комнате повисает тяжелая пауза. Слышно только, как тикают напольные часы.)

Линдквист (продолжает ледяным, монотонным голосом, глядя в окно): — Для Стокгольма это тупик. Нам очень нужны эти миллиардные контракты — у нас кризис в судостроении. Вам нужны радары и порох. Но пока у руля Química GH стоит господин Вильгельм, сделки не будет. Шведское министерство торговли не сможет одобрить ни одну лицензию. Гессен... Он... слишком упрям. И слишком много говорит.

Массера (суживает глаза, понимая правила игры): — Вы предлагаете нам сменить руководство компании?

Линдквист (поворачивается к Массере, прижимает руку к сердцу, симулируя искренность): — Боже упаси, генерал! Швеция никогда не вмешивается во внутренние дела суверенных государств. Но... если бы делами концерна управлял более... прагматичный человек. Патриот Аргентины, понимающий нужды ВПК... Если права на управление и патенты перейдут к структуре, лояльной вашему правительству, Стокгольм закроет глаза на шероховатости в юридических формулировках. Мы признаем новые подписи за 24 часа. Деньги пойдут рекой. Ваши корабли получают электронику. Наши рабочие в Карлскуге сохранят рабочие места. Это будет лучше для обеих стран. Полная синергия.

Массера (после долгой паузы, поворачивается к капитану): — Капитан. Кажется, у экономического отдела ESMA завтра много работы. Займитесь семьей Гессенов. Проверьте их на предмет... связей с подрывными элементами.

Капитан (вытягивается в струнку, прижимая руку к козырьку): — Будет сделано. Операция будет тихой.

Линдквист (поднимает бокал с шампанским, салютует Массере): — За процветание новой Аргентины, генерал. И за крепкую дружбу наших народов, основанную на... полном взаимопонимании.

Глава 4

Томас с Эмили решили перенести коробки с документами в кабинет Дитриха. Классический стиль, тяжёлые дубовые панели на стенах, встроенные книжные шкафы до потолка, массивный письменный стол с черным сукном и кожаное кресло, в котором, кажется, до сих пор сохранился силуэт прежнего хозяина. На стене висело старое фото двадцатых годов: два мужика в костюмах, с усами, позировали на фоне железнодорожной цистерны с надписью «Gotlieb - Hessen».

Эмили поставила свою коробку на пол, отряхнула руки и подошла ближе к фотографии, всматриваясь в застывшие лица.

— Который из них твой прадед? — спросила она, обернувшись к Томасу, который молча выкладывал папки на стол, стараясь создать хоть какую-то систему в этом хаосе. — Без понятия, — ответил он, не поднимая глаз. — И, честно говоря, мне всё равно. Они все мертвы.

Эмили грустно оглядела кабинет: тяжёлые портьеры, приглушающие серый столичный свет, запах старой бумаги. — Бедный Дитрих, — тихо сказала она. — Он прожил здесь тридцать лет. В этом доме... один. Ты задумывался, каково это? Просто сидеть в кресле, смотреть в окно и знать, что твоя семья... их больше нет. И ты ничего не можешь сделать. Она провела рукой по кожаной спинке кресла, будто прикасаясь к чьему-то невидимому присутствию. Томас наконец поднял голову. Его лицо было безучастным, почти раздражённым. Он посмотрел на кресло Дитриха. Она права. Дитрих был один. Но Томас думал не о Дитрихе. Он думал о себе. Образ старого, одинокого человека в пустом доме, отрезанного от мира, это был его худший кошмар. И Эмили только что поднесла ему зеркало.

— Он был взрослым человеком. Миллионером. Если он не смог ничего сделать, значит не захотел. Или боялся. Я не знаю. Мне жаль, но я не могу оплакивать людей, которых никогда не знал. Даже если они моя кровь.

Эмили повернулась к нему. В её глазах мелькнула тень обиды, но она сдержалась, вздохнула и взяла следующую коробку. — Томми, ты иногда меня пугаешь.

— Чем? Я просто не вижу смысла в сантиментах. Это не помогает и не возвращает мертвых.

— А что помогает? Ты почти не спишь... Ты позволил мне приехать, но всё равно проходишь через это один. Так что, если я говорю «бедный Дитрих», я не жду, что ты разрыдаешься у меня на плече. Но хотя бы... хотя бы просто скажи: «Да, это хреново». Просто признай, что это хреново. Что мы имеем дело с дерьмом, которое случилось с реальными людьми. С твоими родственниками.

Томас замер. Рука с бумагами повисла в воздухе. Он смотрел на Эмили — на её глаза, в которых была усталость, но не от дороги, а от него самого. От его глухой стены.

— Это хреново, — наконец сказал он, но голос его звучал механически, как будто он просто повторял заученную фразу. — Да. Это хреново. Мы имеем дело с дерьмом. Так лучше? Он посмотрел на неё, ожидая реакции. Но вместо того, чтобы обидеться, Эмили подошла ближе и положила руки ему на плечи. Она чувствовала, как его мышцы напряжены, как он буквально дрожит от внутреннего напряжения, которое отказывался выпускать наружу.

— Ты не железный, Томми. И это нормально — быть уставшим. Нормально бояться. И я здесь, с тобой.

Томас хотел что-то резко ответить — огрызнуться, отшутиться, как он делал всегда, но внезапно слова застряли в горле. Вместо этого он просто опустил голову, упёршись лбом в её плечо. Он не плакал. Он просто стоял так, и Эмили молча обнимала его, поглаживая по спине, как ребёнка. — Ладно, — выдохнул он, возвращая себе деловой тон, — давай заканчивать с этим. У нас ещё много дел.

Эмили посмотрела на него, в его глаза, в которых всё ещё стояла боль, которую он упорно прятал, и ничего не сказала. Она знала: сейчас он закрылся. Снова.

Они молча разбирали папки ещё около часа. Томас раскладывал документы по темам: «Юридические», «Финансовые», «Переписка». Эмили нашла старый фотоальбом с чёрно-белыми снимками Стокгольма 1950-х и с интересом рассматривала их, иногда комментируя, пытаясь разрядить обстановку. И это сработало. Томас посмотрел на нее и слегка улыбнулся.

— Спасибо, — тихо произнес он. — За что? — Что приехала. Что не даёшь мне провалиться в это дерьмо. Что слышишь. Эмили улыбнулась в ответ, но в глазах у неё была лёгкая грусть. Томас ее заметил.

— Я просто боюсь. Боюсь представлять, что чувствовал человек, когда весь мир отключается у тебя на глазах, а у тебя нет даже интернета, чтобы проверить новости. Просто тишина. И бумажки с печатями. Я не хочу ставить себя на его место. ... Что тогда было? Телексы, телеграфы, международные звонки через операторов. ... День, когда они отрезали ему провода.

Эмили посмотрела на него. Впервые за несколько дней в его голосе послышался не холодный расчёт, а живой интерес — не к деньгам или мести, а к человеку. — Как думаешь, что он чувствовал, когда понял, что всё кончено?

Томас молчит несколько секунд, а потом тихо произносит: — Думаю, то же, что и я, когда увидел отца на полу. Пустоту, ярость. И невозможность дать волю чувствам, потому что нужно действовать здесь и сейчас. И невозможность принять, что всё так просто кончается. Что какой-то незнакомый человек с другого конца мира может перерезать тебе жизнь, даже не зная твоего лица. ... Я не хочу быть жертвой, не хочу быть Дитрихом. Или отцом... Я хочу быть тем, кто перерезает провода.

— Тогда будь осторожен, — шепчет Эмили. — Потому что, если ты начнёшь резать провода, они могут ответить тем же.

27-е сентября, 1976-го года, утро, 09:00 Дитрих приезжает в офис Scandia-Hessen AB в центре Стокгольма. Обычный серый понедельник. По распорядку дня в 09:15 из Буэнос-Айреса должен прийти ежедневный ночной телекс с подтверждением отгрузки сырья для Química GH и реестром платежей. Дитрих заходит в телексную комнату. Аппарат (громоздкий желтоватый прибор Siemens) молчит. На полу нет привычной рулонной ленты с пробитым текстом. Дитрих просит секретаря отправить запрос в Буэнос-Айрес. Секретарь садится за клавиатуру телекса, набирает уникальный номер аргентинского завода 33-9122 QGH BA и нажимает кнопку вызова. Аппарат должен выдать автоматический ответ: QGH BA (подтверждение, что связь установлена). Вместо этого аппарат несколько секунд надрывно стрекочет и выбивает на бумаге сухой сервисный код: OCC (Subscriber occupied — линия занята). На той стороне просто выдернули шнур телекса. Дитрих не паникует. В Латинской Америке вечно проблемы со связью.

Проходит два часа. Связи по телексу нет. Дитрих решает позвонить отцу на личный домашний номер в Сан-Исидро. Он поднимает трубку тяжелого дискового аппарата и набирает 00 (вызов международной телефонной станции Стокгольма). В трубке раздаётся голос шведской девушки-оператора: «Международная станция Стокгольма, оператор 14. Какой город вы запрашиваете?». Дитрих (чётко, стараясь говорить спокойно): — Буэнос-Айрес, Аргентина, (называет номер). Голос шведского оператора: «Ваш вызов на Буэнос-Айрес. Соединяю». На том конце провода раздаётся далекий гудок. Наконец, трубку снимают. Но вместо привычного голоса отца или матери Дитрих слышит сухой мужской голос на испанском: «Алло. Линия временно находится на профилактическом обслуживании Министерства связи. Звонки не принимаются». И короткие гудки. Дитрих начинает чувствовать легкий озноб.

Самый страшный удар происходит на финансовом уровне. Чтобы оплатить текущие расходы шведского офиса и закупку комплектующих, Дитриху нужно подтверждение пере-

вода из Буэнос-Айреса. Он идет в центральное отделение Handelsbanken. Заходит к управляющему, своему старому знакомому, который выглядит бледным и прячет глаза. Час назад в Handelsbanken из Панама пришел официальный юридический телекс, заверенный международным нотариусом. В нем — копия генеральной доверенности, согласно которой, Вильгельм Гессен снимает Дитриха с поста управляющего директора Scandia-Hessen AB и передает все права подписи новому поверенному — панамскому офшору Quimica Hessen. Управляющий банком разводит руками и передает Дитриху распечатку телекса.

— Дитрих, мне жаль. Вот ордер. Подпись твоего отца. Счета вашей дочерней компании заморожены до верификации новых управляющих. Я больше не могу выдать тебе ни кроны. Ты больше не имеешь права подписи.

Дитрих возвращается в офис. На рабочем столе в его кабинете лежит экспресс-телеграмма от шведского Министерства торговли. Короткий текст, набранный заглавными буквами на желтой полоске бумаги:

ЛИЦЕНЗИИ НА ЭКСПОРТ КОМПОНЕНТОВ ДЛЯ QUIMICA GN ПРИОСТАНОВЛЕНЫ ДО УТОЧНЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА ТЧК.

Дитрих обессилено садится в кресло. Вокруг него всё тот же офис: деревянные панели, дорогие телефоны, печатные машинки IBM, но шнуры из этих машин виртуально перерезаны. Здесь больше нечего делать. Тогда он едет домой, в свою квартиру в районе Эстермалм. На двери уже висит официальное бумажное уведомление, заверенное печатью Стокгольмского окружного суда и ведомства по принудительному исполнению (Kronofogden). «В связи со сменой руководства Scandia-Hessen AB и аннулированием вашего трудового контракта, право на пользование служебным жилым помещением прекращено. Вам предписывается освободить помещение в течение 48 часов».

Он заходит внутрь, все еще не веря в реальность происходящего. Пытаясь прийти в себя, заваривает чай. - Все это какая-то ошибка, страшный сон... Я должен что-то придумать.

Только он садится пить чай, как в прихожей раздается телефонный звонок. Дитрих срывает трубку, надеясь услышать адвоката или хоть какое-то разъяснение.

Но на том конце провода вежливый, сухой голос старшего операциониста из центрального Handelsbanken. Банкир сообщает, что час назад из Панама пришел нотариальный телекс с новой генеральной доверенностью от его отца. Новое руководство компании обвинило Дитриха в финансовых махинациях и растрате. Поскольку его личный Checkkonto был открыт банком внутри корпоративного зарплатного проекта, Handelsbanken, следуя инструкции, заблокировал его. Дитрих медленно опускает трубку. Единственные наличные деньги, которые у него остались — это последние восемьсот с чем-то крон, лежащих в его кошельке. А сейчас ему нужно взять себя в руки и начать собирать вещи.

В вечерней газете он находит объявление о сдаче гаража в аренду, платит сразу за два месяца и перевозит туда свой жалкий скарб. Мебель и технику он оставил в квартире, они принадлежали компании. Ключи положил в конверт вместе с предписанием о выселении и бросил его в почтовую щель конторы управдома. Мосты были сожжены, он сюда больше не вернется. Пора приступить к плану Б.

Стокгольм — Копенгаген (через паром в Хельсингборге) — Гамбург — Франкфурт — Базель — Женева. Тридцать с лишним часов в экономе классе. Два дня пришлось питаться только хлебом и водой из привокзальных кранов, экономя каждую крону на пересадках. В Женеву он прибыл абсолютно измотанным, с серым от дорожной пыли и бессонницы лицом, но с ледяной ясностью в голове.

Швейцарский банк встретил Дитриха абсолютной тишиной. Или ему так показалось после изматывающего пути. Он ненадолго погрузился словно другой мир, где все предсказуемо и безопасно. Седой банкир в безупречном твидовом костюме молча принял из его рук паспорт

и старые семейные документы. — Пройдемте, господин Гессен, — негромко произнес швейцарец и жестом пригласил его в закрытую переговорную комнату с глухими дубовыми стенами.

Банкир удалился и вернулся лишь через пятнадцать минут, неся в руках тяжелую кожаную папку. Он сел напротив Дитриха, открыл ее и развернул к нему балансовую ведомость, напечатанную на плотной бумаге. Банкир деликатно коснулся пальцем нижней строчки, не называя цифры вслух. На листе значилось: 3 124 500 CHF

— Счет вашей матушки, госпожи Шарлотты Гессен, активен. Согласно условиям вклада и распоряжению владелицы, в случае чрезвычайных обстоятельств или отсутствия связи с ней, вы, как старший сын, имеете право единоличного распоряжения данными средствами. Юридически вы вступаете в права соуправляющего счетом.

Банкир на мгновение запнулся, оценивая изможденный вид Дитриха, но его голос остался профессионально-нейтральным.

— Учитывая, что тайна вклада в нашей юрисдикции абсолютна, никто за пределами этой комнаты не знает о существовании данных активов. Нам подготовить для вас наличные или открыть новый, конфиденциальный личный счет?

Дитрих смотрел на ровный ряд нулей на бумаге, и в его истощенном уме управленца мгновенно сработал калькулятор. Три миллиона франков. Больше пяти миллионов шведских крон.

- Мне понадобятся наличные на текущие расходы, - негромко произнес Дитрих, впервые за три дня расправив плечи. - Скажем, три тысячи франков.

Банкир понимающе и едва заметно наклонил голову.

- А всю оставшуюся сумму я прошу немедленно перевести на новый счет в вашем банке. Оформите его как дискреционный траст под управлением вашего номинального поверенного. Моё имя должно быть полностью исключено из любых внешних реестров.

Седой швейцарец едва заметно улыбнулся. Этот язык он понимал в совершенстве.

- Будет исполнено, господин Гессен.

Глава 5

Стокгольм, вечер. Томас сидел за дубовым столом в кабинете Дитриха. Вокруг него лежали стопки папок, извлеченных из коробок. Томас взял со стола серую папку. На наклейке государственного архива значилось:

«Министерство торговли Швеции. Дело о поглощении холдинга Quimica GH (Аргентина) концерном Svea Chemicals. Ликвидационный баланс. Дата закрытия реестра: 14 мая 1985 года. Активы и патенты переведены на баланс Svea Chemicals».

Он отложил эту папку в сторону и взял следующую. Это была толстая, тяжелая папка в жестком темно-бордовом кожаном переплете. На её лицевой стороне золотым тиснением, слегка потускневшим от времени, был выбит трехглавый шведский герб Тре Крунур и надпись: «Utrikesdepartementet». Поперек обложки наискось шла полоса с отпечатанным на ней штампом: «KVALIFICERAT HEMLIG». Ниже, напечатанное на пишущей машинке, официальное название документа: «Специальный меморандум о минимизации правовых и репутационных рисков при реализации Проекта "Nordic-Sur"».

Томас потянул за завязки, раскрыл паку и перевернул первый лист пожелтевшей по краям бумаги. Перед ним лежал доклад на 14 страницах, адресованный лично Министру торговли Швеции от Олафа Линдквиста, специального уполномоченного МИД по торгово-политическим связям со странами Латинской Америки. Дата на документе — 2 октября 1976 года. Томас достал телефон, запустил приложение переводчика и навел камеру на шведский текст, после чего на экране появился текст на ломаном английском. Томас начал тихо читать текст вслух:

— «...В рамках реализации соглашения между Королевством Швеция и Военным Правительством Аргентинской Республики о передаче патентов и долгосрочных поставках продукции Quimica GH, шведская сторона выражает крайнюю обеспокоенность возможными юридическими претензиями со стороны законных бенефициаров, находящихся в данный момент под арестом в Буэнос-Айресе...»

Томас ненадолго замер, глубоко вздохнул и перевел взгляд на следующий абзац:

— «...1-го октября 1976 года в ходе закрытых консультаций с уполномоченным членом Военного Правительства Аргентинской Республики, шведскому представителю были переданы исчерпывающие и окончательные гарантии того, что указанные правовые риски полностью аннулированы в связи с физическим отсутствием субъектов права...»

- Физическое отсутствие субъектов права. Вот как это называется. Томас продолжил читать дальше:

«...В связи с этим к настоящему Меморандуму прилагаются оригиналы и заверенные копии рапортов специальных служб Аргентины, подтверждающие окончательное решение вопроса бенефициаров (см. приложения 1, 2, 3 и 4). Риск какого-либо оспаривания сделки в международном правовом поле сведен к абсолютному нулю. Рекомендуются немедленно одобрить транзакции и перевести права управления на панамский офшор Quimica Hessen...»

Томас опустил телефон, медленно перевернул страницу доклада, открывая блок «приложений». Он взял в руки первый документ. Это был грязно-серый бланк с гербом аргентинского военно-морского флота. Сверху размашистым синими чернилами был наложен штамп шведской контрразведки SAPO, а внизу стояла четкая, размашистая подпись Линдквиста, заверяющая получение. В центре бланка на испанском языке значилось: «РАПОРТ ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ ИЗЪЯТИИ ИЗ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА. Субъект: Вильгельм Гессен. Статус кейса: Закрыт».

Томас стал просматривать остальные три «приложения». На каждом стояла печать SAPO, подпись Линдквиста и одна и та же дата – 2 октября 1976-го года.

29-ое сентября 1976-го года. Буэнос-Айрес. Штаб-квартира Военно-морских сил Аргентины. Адмирал Эмилио Массера, сидел в кожаном кресле, напротив него, в сером костюме сидел Олаф Линдквист, а на столе между ними лежала папка - проект генерального соглашения со Svea Chemicals. Линдквист, через переводчика: — Контракт готов, адмирал, Стокгольм согласен на ваши условия. Но у нас возникло... затруднение. На уровне Министерства торговли.

Массера озадаченно посмотрел на него: — Мои люди гарантировали вам полный контроль над Química GH. Какое еще затруднение может быть у шведских министров? Линдквист слегка подался вперед.

— На меня давят сверху. Очень сильно давят. Наши юристы в панике. Законные владельцы... Моё руководство в Стокгольме не может рисковать. Если через пять, десять или двадцать лет кто-то из них объявится... Швеция не может подставить под удар свою репутацию.

Массера прищурился: — Вы хотите сказать, Швеции нужны гарантии?

Линдквист кивнул: — Именно, нам нужны стопроцентные, необратимые юридические гарантии того, что риски оспаривания этой сделки в международном поле равны нулю. Стокгольму нужно железное подтверждение... окончательного физического отсутствия субъектов права. Пока этих бумаг не будет у меня на столе, министр не подпишет договор.

Массера: — Я вас понял, господин Линдквист. Передайте министру, что Швеция может спать спокойно. Мы умеем быстро решать юридические вопросы с нашими партнерами. Мы подготовим все необходимые вам документы как можно быстрее. Разговор завершается крепким рукопожатием.

2010 год, Стокгольм. Томас приходит в контору «Lindahl & Partners» с коробкой документов. Как и в прошлый раз, его просят пройти в переговорную. Напротив Томаса садится пожилой адвокат и двое приглашенных юристов, которых Томас раньше не видел. Адвокаты аккуратно перелистывают принесенные Томасом папки. Всем троим с трудом удается скрывать шок от прочитанного.

Адвокат: Вы понимаете, что у вас в руках?

Томас (сухо): Что это значит для меня? Я могу привлечь их к ответственности?

Адвокат: Не в Швеции. Ваши документы — идеальное основание для иска в Вашингтонский арбитраж (ICSID) за незаконную экспроприацию активов и соучастие государства. Вы сможете претендовать на упущенную прибыль Química GH за 34 года, роялти за патенты и оборот, скорректированный на инфляцию. Плюс формула сложного процента, которую арбитраж накладывает на суверенных нарушителей. Берите бумаги и летите в Нью-Йорк.

Нью-Йорк. Офис очень крутой американской юридической компании. Из панорамного окна открывается потрясающий вид на весь город. Американский адвокат, холеный и циничный, разворачивает к Томасу ноутбук.

— Мистер Гессен, взгляните на сайт Svea Chemicals. Они провели реструктуризацию в восемьдесят пятом, думая, что спрятали концы. Но у нас на руках сквозной след отмывания активов. Видите подразделение «Svea Bio-Tech»? Это и есть измененная до неузнаваемости Química GH вашей семьи. Они ее отмыли и выкачали все разработки. И мы заставим заплатить всех виновных.

Таймлапс судов. Динамичный монтаж новостных блоков на экранах ТВ (CNN, Bloomberg, SVT):

2011 год: Томас Гессен подал иск в ICSID против Швеции на рекордную сумму.

2012 год: Шведская сторона запросила отсрочку для изучения меморандума "Nordic-Sur". В прессу просачиваются детали о соучастии МИДа в Грязной войне.

2014 год: Исторический вердикт в Вашингтоне. Королевство Швеция признано виновным в соучастии в экспроприации и обязано выплатить Томасу Гессену 2,4 миллиарда долларов.

Вашингтон. Вспышки сотен камер, толпа репортеров окружает Томаса, одетого с иголочки, выходящего из здания.

- Мистер Гессен! Мистер Гессен! Что вы будете делать теперь? Вы вернетесь в Швецию? Мистер Гессен!

Он молча проходит сквозь них, садится в автомобиль. За рулем сидит Эмили. Машина плавно трогается, оставляя кричащих журналистов позади.

Глава 6

Буэнос-Айрес, сентябрь 1983-го года. Роландо Мендоса сидит в кабинете своего дома. Он понимает, конец близко, пора собираться. На столе перед ним жестяная прямоугольная коробка от печенья с микропенками, векселя швейцарских банков, панамские предъявительские облигации, а на полу, на ковре резвится со своими игрушками его главное сокровище, шестилетний сынишка Томас.

Вип-зал дорогого ресторана в Буэнос-Айресе. Мендоса бывал здесь не раз. Он подходит к столику, за которым его ждет усатый мужик в коричневом пиджаке.

- Роландо! - Стивен

Они пожимают руки, заказывают напитки, и, как только уходит официант, Мендоса кладет на стол микропенку: - У меня еще много.

Стивен: - И чего ты хочешь от ЦРУ?

Мендоса: - Мне нужны три чистых американских паспорта, новые личности для моей семьи и гарантия полной неприкосновенности на территории Штатов.

Стивен забирает микропенку и кивает: - Я поговорю с руководством.

Роландо и Марта Мендоса с ребенком на руках выходят из самолета в аэропорту Майами. Офицер на паспортном контроле быстро вбивает данные. На черном кинескопе компьютера вспыхивают фосфорно-зеленые строчки допуска — высший приоритет, санкционированный Лэнгли. Офицер с улыбкой произносит:

- Добро пожаловать домой, мистер Бланко.

Марта протягивает свой паспорт. Ей уже не так страшно.

Теперь они Роберт и Мэри Бланко — белые американцы испанского происхождения. Роберт покупает солидный двухэтажный особняк в колониальном стиле в Пайнкресте, окруженный каменным забором и огромным, густо засаженным деревьями участком. Любопытным соседям они непринужденно рассказывают, что перебрались из Кастилии. Супруги говорят с едва уловимым испанским акцентом, дома общаются исключительно на английском.

Роберт наслаждается новым образом жизни, теперь ему нет нужды скрывать доходы. Для красавицы-жены он покупает белоснежный Mercedes-Benz 380 SL, обеспечивает ее дизайнерской одеждой и ювелиркой. Для малыша Томми он покупает самые дорогие игрушки и нанимает лучших репетиторов, чтобы натаскать мальчика для поступления в элитную школу Ransom Everglades. Его главный трофей требует вложений, иначе какой в нем смысл?

В Майами 84-го Роберту с его бекграундом есть где развернуться. Он открывает фирму «Blanco International Trading» со штаб-квартирой в Brickell. Официально фирма занималась поставками промышленного оборудования и электроники из США в страны Латинской Америки, а на деле помогала отмывать грязные деньги наркокартелей.

Роберт часто берет Томаса на сделки, приучая его к «бизнесу» и делая соучастником, чтобы их связь стала еще крепче.

Томми восемь, отец привозит его в закрытый лодочный ангар в промзоне. Роберт проходит в офис, оставляя сына наблюдать снаружи, на небольшом отдалении. В офисе сидят два колоритных колумбийца и тощий перепуганный избитый белый парень. Все четверо о чем-то спорят, но Том не может разобрать слова. Раздается выстрел. Затем тишина, они опять спорят, но уже намного тише. Том испуганно наблюдает, как колумбийцы без эмоций выносят из

кабинета труп. К шокированному мальчику подходит отец и вкрадчивым, пугающе спокойным голосом спрашивает:

- Томми, малыш, хочешь съездим в Диснейленд?

Томасу одиннадцать. На этот раз был автосервис. Роберт оставляет Томаса позади, а сам подходит к пожилому человеку в строгом костюме и двум его телохранителям. Томас замечает краем глаза, что на полу лежит кто-то связанный с мешком на голове. Телохранитель снимает мешок, Роберт кивает человеку в строгом костюме, и телохранитель без колебаний стреляет в голову связанному. Томас вскрикивает. Все присутствующие оборачиваются. Роберт хватается за руку сына и тащит поближе к трупу.

- Не скули, пора тебе повзрослеть. Роберт заставил Томаса смотреть, как телохранители заворачивают труп в брезент, затем замыывают небольшое пятно крови на полу. Все это время он держал Томаса за плечи, не давая ему отвернуться.

Томас учился в колледже, когда умерла его мать. Он не поехал на похороны. Ему хватало регулярных созвонов с отцом, на которые он был вынужден идти, ради получения денег. Однажды отец обмолвился, что вынужден переехать из-за «старых дел». Томас все понял, он знал, что рано или поздно отцу придется скрываться. Роберт переедет так еще не раз, но поводок, на котором он держал сына от этого не ослабнет. Томас каждый раз изображал сочувствие, знал, как отец скучает по Майами.

- Ну не переживай. Еще сможешь пожить и там.

Майами, 1996 год. Роберт приходит в ресторан на встречу со старым «другом».

- Стивен - О, мистер Бланко (издевательским тоном)

Роберт не может скрыть нарастающую тревогу и раздражение от веселого тона Стивена:
- В чем дело??

- В том, что во Франции на тебя выписан ордер. И это только начало. Все бы ничего, но Лэнгли хочет откrestиться от всех связей с персонажами, вроде тебя.

Томас закатил глаза: - Ты же в курсе, ЧТО я могу рассказать?

- Разумеется. А они в курсе, как тебе дорог твой сын. Слушай, я на твоей стороне, просто исчезни с радаров, живи неофициально, и никто тебя не тронет. Стивен встает из-за стола: - Рад был повидаться, Роландо.

1999 год. Томас встречается с отцом в ресторане Нью-Йорка по случаю окончания колледжа. Мечтательно рассказывает, где хотел бы работать. Отец внимательно слушает, улыбается и выдает:

- Ты хочешь жить в маленькой квартирке и питаться фастфудом? Сынок, посмотри на свои туфли, они стоят как три зарплаты журналиста. Я даю тебе ровно столько, чтобы ты ни в чем не нуждался. Ты живешь свою лучшую жизнь, остальное несерьезно. Журналистика — не более чем хобби.

Роберт похлопал его по плечу, оставил на столе щедрые чаевые и поднялся. Его ждал очередной конспиративный рейс, очередное фальшивое имя и вечный бег по кругу. А Томас остался сидеть, отрешенно глядя в окно. Он понимал, что отец в чем-то прав: без его миллионов он сам по себе — никто. В глубине души Томас мечтал о его смерти, видя в этом единственный путь к свободе. Вот только он совершенно не представлял, как, даже в таком случае, сможет добраться до его денег. Ведь Роберт спрятал все ниточки так, что черт ногу сломит. Томасу оставалось лишь смириться и принять свою участь — быть послушным трофеем на золотом поводке

Глава 7

Майами, Пальметто-Бей, 2010 год.

Маркус сидел в своей машине, ведя самое скучное дежурное наблюдение из всех возможных, и жевал картошку фри, которая уже успела остыть и превратиться в резину. Активность у дома объекта заставила его прервать бесконечную болтовню с напарницей и использовать скрытую гарнитуру по назначению — в кои-то веки!

22:14 Маркус: - ...да я лучше проведу вечер на допросе у картеля. Seriously, целый час слушать про ее кота...

22:14 Маркус, теперь уже серьезным тоном: – К дому подъезжает бежевый седан. Это Младший.

22:28 Маркус: – Младший выходит. Вздыхает. Уезжает. Продолжаю наблюдение.

22:36 Маркус: – К двери подошел парень. Молодой. Блондин. Звонит. Кастилец его впустил.

22:58 Маркус: – Парень выходит.

23:16 Маркус: – Младший вернулся. Что там у них происходит? Идет в гараж... Какого хрена?..

Маркус выходит из машины и осторожно подкрадывается к дому. Шторы плотно задернуты. Но ему удастся увидеть в окно гаража, как Томас затаскивает в багажник машины большой и тяжелый сверток.

23:39 Маркус: – Он там труп в багажник кладет, что мне делать? Напарница: - Не вмешивайся, продолжай наблюдение.

23:46 Маркус: – Он уехал. Мне ехать за ним? Напарница: - Держись на безопасном расстоянии.

00:20 Маркус: - Свернул с трассы на грунтовку в сторону Эверглейдс. Ну и тьма... Я выключил фары, еду по маячку. Здесь только тростник.

00:34 Маркус: - Вижу его. Стоит у самой воды. Вытащил труп. Черт, он приматывает к нему диски от штанги. А парень силен. Тащит по грязи. Толкает тело штырем в болото. Все, скормил Кастильцу аллигаторам.

00:48 Маркус: - Он вернулся к машине. Я сдал назад, меня не видно. Он проехал мимо. Еду следом.

01:25 Маркус: - Он дома. Включил везде свет. Шторы задернуты.

02:49 Маркус: - Гасит свет. Садится в свою машину. Мне ехать за ним? Напарница: - Да проследи.

22:51 Маркус: - Ой, бля. Сколько бумаг мне потом заполнять?! Напарница: - Не бузи. Представь, сколько придется заполнять 3-ему отделу.

Лэнгли, Вирджиния. Штаб-квартира ЦРУ. Стивен Миллер - офицер ЦРУ, куратор Мендосы в прошлом. Ларс Хольм - шведская сторона, офицер СЭПО, курирует дело Гессенов. Кабинет для закрытых встреч. Светло серые стены, стол, несколько стульев, ноут и несколько папок.

Стивен грубо кидает одну из папок перед Ларсом: - Этот человек встретился с Томасом Бланко в Нью-Йорке. Передал ему документы. Потом проследил за ним и зарезал Кастильцу. Мы пробили его по нашей базе. Вернер Гессен. 100%совпадение.

Ларс даже не смотрит на папку: - Вернер Гессен мёртв с 76-го. Вопрос закрыт.

Стивен: - Тогда, кто это?? И его не убрали в 76-ом. Он был полезным рабом по 83-ий, потом сбежал. Или ваши его выкрали.

Ларс берет в руки папку с фотками с камеры наблюдения в отеле The Carlyle и сделанными у дома Мендосы: - Выкрали?? Я без понятия, кто это. Может, кто-то сделал пластику. Может, двойник. А может, твои люди сделали плохую работу, и ты позвал меня расхлебывать. Раз вы так много знаете, какие вопросы могут быть к нам? И разве вы не должны были поделиться инфой еще в 83-ем?

Стивен: - Я здесь не за тем, чтобы ты меня учил. Я здесь, чтобы сказать, что у вас есть оживший труп, которого быть не должно. И я хочу знать, вы в курсе, или тоже в дерьме?

Ларс задерживает взгляд на Стивене на пару секунд дольше, чем нужно: - Я не должен перед тобой отчитываться.

Стивен: - А я не должен приносить тебе улики, которые вы должны были найти много лет назад. Знаешь, сколько времени мы потратили, чтобы выяснить, что ваш «мёртвый» Гессен сбежал с завода в 83-м? С тремя трупами охраны? И ты мне говоришь — «вопрос закрыт»?

Ларс: - Вы пасли Мендосу тридцать лет и не заметили, что его сын встречается с призраком? И ты позвал меня, чтобы я объяснил тебе твою же некомпетентность?

Стивен кладет одну из фоток перед Ларсом: - Я позвал, чтобы ты объяснил мне, почему вы тридцать лет прячете данные о том, что человек, которого мы считали мёртвым, жив и выглядит так.

Ларс наконец берёт фото. Смотрит на него. Пауза. Переводит взгляд на Стивена: - Мы не прятали. Мы не знали. И если бы вы поделились с нами данными о побеге хоть когда-нибудь за последние двадцать лет, у нас бы не было этой проблемы. А теперь у вас дыра, и вы хотите, чтобы мы её закрыли.

Стивен: - Я прошу тебя признать, что у нас общая проблема, и что мы не знаем, кто этот человек на самом деле.

Ларс смотрит на фото, потом в глаза Стивену: — Есть версии? ...Миллер, мы в одной лодке. ...И как он сбежал?

Стивен, сменив тон на спокойный: - Его перевезли на закрытый завод за городом. Туда переводили понемногу заключенных из других тюрем, потому что там была всего одна рабочая печь. Готовили к продаже брату, держали на препаратах. Среди переведенных был Диего Мартинес. Про него мало известно, Имя, похоже, выдуманное. В Аргентине ничего не откопали. Этот Диего его и вывез, убив трех охранников. Больше их никто не видел. Ни живыми, ни мертвыми. Наши тридцать лет считали, что они погибли в горах.

Ларс еще раз смотрит на фотки: - Ему ведь сейчас за пятьдесят... ЦРУ считает его ...кем?

Стивен: - Кем бы он ни был, в наших общих интересах, чтобы его не было.

Ларс поднимается, собирает фотки в папку, подходит к двери: - Если это и правда Вернер, тебе надо бежать.

Стивен, не поднимая глаз: - Знаю...

Глава 8

28-ое августа 1983-го года. ЭСМА. Мендоса заходит в узкую камеру, освещенную тусклым светом. На шконке неподвижно, словно тряпичная кукла, лежал тощий парень. Капитан легонько толкнул его: - Вернер, проснись.

Не помогло. Он взял за плечи почти безжизненное тело и потряс: - Просыпайся.

Вернер глухо простонал, он окинул комнату мутным равнодушным взглядом, едва держа голову. Мендоса усадил его, придвинув спиной к стене и дал в руки газету La Nación от 28 августа. - Держи вот так. Дебил! Вот так, я сказал! Чтобы дату было видно.

И силой заставил худые пальцы Вернера сжать края газеты. Сделав шаг назад, он взял в руки Полароид и щелкнул, ослепив вспышкой это ужасное место. Мендоса поморщился, но увидев готовый снимок, почти улыбнулся: - Отлично. Утром тебя перевезут.

Он забрал газету и вышел из камеры, закрыв за собой тяжелую железную дверь. Одна задача выполнена.

29 августа. Мендоса неторопливо шел по улицам Сан-Тельмо, делая вид, что не замечает темно-синий фورد, который тащится за ним уже два квартала: - Тупые крушники.

Он зашел в Базилика Нуэстра-Сеньора-дель-Росарио. Слева от входа каменная стена была сплошь заклеена черно-белыми фотографиями desaparecido — пропавших без вести. Молодые и старые, часто с улыбками на лице. Под снимками, прямо у стены стояли поминальные свечи. Мендоса скользнул по фоткам мертвым взглядом. Для него это были муравьи, не более. Да и зачем вообще думать о мертвых людях, когда на кону живые деньги?

Из ризницы вышел отец Антонио: - Пришли исповедаться, Капитан?

- Оставьте свой святошеский тон, падре. У меня мало времени, за мной следят. Сейчас речь не о моих грехах. На кону жизнь человека. Я прошу передать этот конверт в представительство Красного Креста. Старик спрятал руки в рукава сутаны: - Мы не станем участвовать в ваших грязных играх.

Мендоса достал из конверта вчерашний снимок Полароида и грубо сунул его под самый нос священнику: - Его жизнь в ваших руках, если этот снимок не уйдет в Женеву, парень умрет.

Отец Антонио берет в руки конверт, тем самым соглашаясь на сделку: - Бог вам судья, капитан. Идите.

Мендоса выходит, и падре достает из конверта записку:

«для Дитриха Гессена: буду ждать вашего представителя в Базилике Нуэстра-Сеньора-дель-Росарио в левом нефе, у алтаря Святого Мартина де Порреса 20-го октября в 15:00, для обсуждения деталей»

Внизу, на полях, была приписка: «Найти в центральном архиве МККК дело Дитриха Гессена (Стокгольм, Швеция) и вложить это в его папку как официальное уведомление о выжившем родственнике».

Падре Антонио тяжело вздохнул. Ему было противно, что его используют для торговли живым товаром. Но выбора не было. Старик развернулся и быстро пошел в ризницу, чтобы успеть передать конверт курьеру до закрытия представительства Красного Креста.

16-е октября. Тот же ресторан.

- Роландо, рад тебя видеть!

Стивен встретил его той самой издевательской, голливудской улыбкой, от которой у Мендосы каждый раз сводило челюсть. Они сели за стол, и когда официант скрылся из вида, Стивен достал из внутреннего кармана пиджака плотный конверт.

Мендоса почти коснулся бумаги, когда Стивен резким движением накрыл конверт своей широкой ладонью. Его улыбка стала еще более хищнической: - Погоди, не так быстро. Наши дорогие друзья из СЭПО любезно передали нам, что Дитрих Гессен получил письмо от Красного Креста. И они, знаешь ли, очень вежливо попросили нас прояснить ситуёвину. И что же мы выяснили, а, есть мысли?

Мендоса замер. Его рука так и осталась лежать на скатерти в паре сантиметров от ладони американца. Воздух между ними наполнился электричеством. - Оказывается, вопреки твоим клятвенным заверениям, Вернер Гессен жив.

Стивен легонько постучал пальцем по конверту: - И мы даже выяснили, где ты его прячешь. Хотел заработать на пенсию?

Стивен убрал улыбку и продолжил с каменным лицом: - Так вот, капитан. Слушай меня внимательно. Или ты прямо сейчас едешь туда, подчищаешь за собой ВСЕ и навсегда забываешь о Дитрихе Гессене... Или у нас тоже есть один заброшенный объект. В Гондурасе. Там отличные ребята. То, что вы устраивали в ЭСМА – цветочки, по сравнению с их работой. Так куда ты предпочтешь отправиться с семьей?

Стивен медленно убрал руку с конверта и пододвинул его Мендосе: - Выбор за тобой. Паспорта здесь. Очисти сцену.

Мендосу мелко трясло. Он схватил конверт, затолкнул его во внутренний карман куртки и резко встал, едва не опрокинув стул. Колени были ватными. На неслушающихся ногах, бледный, он быстрым шагом направился к выходу из ресторана, ни разу не оглянувшись.

Ночью, напуганный и злой, он подъехал к заводу. Щуплый охранник, узнав автомобиль капитана, лихорадочно загремел цепями и распахнул ворота: - Капитан. - Позови Гомеса!

К машине подошел уставший мужик, лет пятидесяти: - Что случилось, синьор Мендоса? - У меня изменились планы. Блондина нужно полностью убрать, как можно скорее.

Договорив это, он передал Гомесу аккуратно сложенные триста баксов, от чего тот мерзко улыбнулся гнилыми зубами: - Будет сделано, синьор Мендоса. Завтра он станет кучкой пепла.

20-е октября, вечер, вилла в Сальтшёбадене. Дитрих уже третий час сидел в своем кабинете, закутавшись в плед. Он почти заснул, когда телефон резко зазвонил, заставив его содрогнуться.

- Да. - Дитрих, это я. Никто не пришел. Я прождал два часа. Мне очень жаль.

Дитрих не мог произнести ни слова. Дрожащей рукой он положил трубку. Мир вокруг него замер, воздух стал вязким, дыхание перехватило. Он закрыл лицо руками и начал тихонько раскачиваться, потом опустил голову на стол и заплакал.

Глава 9

Майя Бергер, 13 лет.

Сентябрь, 2024 год, Стокгольм, поздний вечер. По достаточно людной улице идет, слегка пошатываясь растрепанная девочка-подросток. На ней темное трикотажное платье. Некоторые на нее оглядываются, но уличное освещение не позволяет разглядеть ее в полной мере. Девочка проходит мимо ночного клуба, и люди на улице замечают, что ее одежда и волосы испачканы кровью. Кто-то берет ее за руку и аккуратно спрашивает, но она как будто не слышит. Ее отводят в какое-то светлое помещение, сажают на стул, протягивают стакан воды. В этот момент те, кто находится рядом, начинают чувствовать запах озона, как после сильной грозы. Майя все еще где-то не здесь, не берет воду и не реагирует на слова. Первыми заходят полицейские, о чем-то спрашивают людей в комнате. Через несколько минут заходят сотрудники скорой. После беглого осмотра ее уводят. Люди в комнате и на улице пытаются понять, что случилось.

Стокгольм, Больница Сёдер. Обессиленная Майя лежит за шторкой приемного покоя. В её вену вставлена капельница с глюкозой, на пальце закреплен датчик пульса. В хаосе переполненного отделения появляются двое в форме санитаров. Никому нет дела. Один из них снимает прищепку-датчик с пальца девочки и цепляет на палец спящего за соседней шторкой бедолаги. Прибор продолжает ритмично пищать, транслируя ровный пульс. Второй вводит сильное седативное прямо в порт капельницы. Майя на секунду приоткрывает глаза, но наркоз мгновенно тушит её сознание.

Они перекладывают обмякшую девочку на каталку, накрывают простыней с головой и катят через шумный коридор. Идущей навстречу уставшей медсестре один из них бросает на ходу: «На рентген». Медсестра даже не поднимает глаз. Через неохраняемый служебный лифт спускаются к дебаркадеру и загружают Майю в скорую. На парковке торгового центра её за минуту перегружают в тонированный минивэн, бросая машину. След оборван. Минивэн растворяется в темноте, направляясь к вилле в Сальтшёбадене

Майя открывает глаза. Никакой паники. Она лежит на большой кровати с шелковым бельем. Трехметровый потолок, красивая деревянная мебель в классическом стиле, большое окно с видом на лес. Она садится, окидывает комнату оценивающим взглядом, пытается понять, как она тут оказалась.

Перед глазами мелькают рваные кадры: темное сырое помещение заброшки, серый бетон, битое стекло, мужская рука с грязными ногтями грубо хватает Майю за волосы.

Дверь открывается, заходит Томас, держа в руках поднос с чаем и мягкими вафлями. Голосом великодушного спасителя-наставника: - Доброе утро, Майя. Я Томас, ты в моем доме. Здесь ты в безопасности.

Томас поставил поднос на одеяло и сел рядом: - Хочешь что-нибудь спросить?

Она игнорирует поднос, смотрит прямо на его лицо и выдает холодно: - Где мой телефон??

Томас, не меняя тона: - Его с тобой не было. Ты помнишь, что вчера произошло?

Майя попыталась откопать в памяти вчерашний день, но вместо четкой картины мозг выдавал лишь странную мешанину: тяжелое дыхание двух мужчин, зажатый рукой рот, падающий на асфальт и разбивающийся телефон.

- Мне надо домой!

Томас попытался выдать максимальное сочувствие: - Милая, тебе больше нельзя домой. Тебя там просто убьют. Препятствия закончились.

Заметив в ее глазах страх, Томас, с едва сдерживаемым чувством превосходства: - Но здесь, со мной, ты в полной безопасности. Я позабочусь о тебе. Так что ты помнишь?

В голове Майи промелькнул следующий набор кадров: ее, перепуганную, кидают на грязный пол, сверху наваливается мужик, другой его подначивает, снимая происходящее на телефон. До чего же мерзкие лица. Майя содрогнулась: - Что тебе от меня нужно??

Томасу все труднее скрывать довольную улыбу: - Сотрудничество.

- ???

- У тебя есть то, что мне нужно. А меня есть много денег. ...Ты ведь помнишь, что вчера было?

- Что у меня есть?? Почему мне нельзя домой?? Ты знаешь, кто мой отчим??? Знаешь, что он с тобой сделает? Меня же ищут!!! Полиция, мама. Где моя мать?!

- Твои родители спешно улетели в Бразилию. Ты больше никогда их не увидишь. Полиция тебя не ищет, так как тебе подобными занимается другая служба. А вот они ищут, да. Чтобы убрать. Есть люди, которые считают, что такие как ты не должны существовать. Ты особенная, Майя и представляешь для них угрозу. Ты же помнишь, что ты сделала? Ты понимаешь, на что ты теперь способна?

Майя снова возвращается на бетонный пол: в ушах начинается легкий гул, зрение перед собой становится сверхчетким, но исчезает по бокам, по ее телу проходит странная волна, отчего в руках возникает легкая вибрация, а в воздухе появляется запах озона. Пространство вокруг замирает. И через секунду словно взрывается. Она отталкивает от себя мужика, тот отлетает метра на два, сильно ударившись о бетонную колонну. Майя встает на ноги и бросается на второго. Повалив его на пол, бьет кулаками, превращая мерзкую тушу в кровавое месиво. Останавливается только услышав стоны мужика, валяющегося у колонны. Подходит к нему. Разглядывает. Смотрит на свои руки. Опустившись на колени перед его телом, равнодушно наблюдает за его хрипами и стонами. Просидев так минуту, она почувствовала, что силы уходят. С трудом поднявшись, она идет к лестнице, опираясь о стену. Ей становится хуже. Ноги подкашиваются. Что-то подсказывает, что надо вернуться - там спасение. Разворачивается, по дороге подбирает крупный осколок стекла. Добравшись до мужика, дрожащими руками, режет осколком его запястье и жадно впивается в него. Но успевает выпить совсем немного, кровь начинает сворачиваться. Сил хватило на то, чтобы выйти с заброшки и пройти мимо пары домов, но потом опять стало тяжело. Она вышла на достаточно людную улицу и медленно пошла вперед, слегка пошатываясь...

Майя не могла поверить, что вот так, разом может рухнуть вся ее привычная жизнь, но надо было как-то приспособливаться: - И что тебе от меня нужно?

Томас засиял: - Твои способности. Я хочу стать таким же.

- И что я с этого получу? Что ты мне дашь? ...Я хочу телефон. Интернет. Одежду. Я много чего хочу! И я хочу знать, что тут происходит!!

Томас широко улыбнулся, ее поведение казалось ему забавным: - Торгуешься. Ок. Получишь всё, что захочешь, в разумных пределах. Но ты должна понять одну вещь: твоя жизнь теперь полностью зависит от меня, и я могу в любой момент сделать ее невыносимой. Не испытывай мое терпение.

Он встаёт, поправляет пиджак, идёт к двери. У порога оборачивается: - Отдыхай. Вечером у тебя будет одежда и новый телефон. Интернет только через мой сервер. Но мы же не будем ссориться из-за таких мелочей?

Майя смотрит ему в спину, впившись руками в одеяло. Силы не равны. Сейчас она ничего не может сделать. Все, что ей осталось – пялиться на скучный лес за окном.

Глава 10

9 ноября, 22-го года. Стокгольм. Сальтшёбаден.

Томас проснулся уставшим и вымотанным. Что сегодня за день? Ах да, этот противный день сегодня. Черт((. Сегодня год, как от него ушла Эмили.

Вот уже триста шестьдесят пять дней он тащит все на себе, один, без ее эмоционального и телесного обслуживания. За весь год она даже ни разу не позвонила. Все общение проходило исключительно через адвокатов. И вот теперь он должен поставить точку. Или нет? Томас встал с постели и направился в ванную. Отражение в зеркале его не порадовало. Так было уже давно, но привыкать к этому не хотелось.

За утренним кофе Томас, как всегда, рассматривал ее фейсбук. Он методично наблюдал, как она, шаг за шагом отдаляется, выстраивая жизнь из каких-то нелепых мелочей. Как переехала, распаковала вещи, взяла собаку из приюта, сходила на выставку, встретилась с подругами... Для чего ей это??? Потом появился Питер – театральный техник. Немолодой, с намекающимся животиком, в дешевых толстовках и потертых джинсах. Зачем??

На фото Эмили снова улыбалась той самой дурацкой, глупой улыбкой, которая ей совсем не идет, и с которой Томас так усердно боролся все эти годы.

Они познакомились ещё в колледже. Она тогда была невыносимо живой — громкой, увлечённой, со своими дурацкими хобби и собственным мнением. Томас потратил много лет, чтобы аккуратно, по миллиметру перестроить её под себя. Он отучал от лишних друзей, высмеивал её глупые увлечения, пока наконец не сделал её идеально удобной, приглушенной и функциональной. Он так старался для нее. Неужели годы потрачены впустую??

Две недели назад Эмили выложила пост о помолвке с Питером. Но ведь это еще не окончательно? Она еще может передумать, осознать свою ошибку, раскаяться и приползти обратно, и он ее обязательно простит и примет. Он же ее любит. Он потратил на нее столько сил. А теперь она впустую растрчивает свои ресурсы. Ей нравится такая жизнь??

Томас отвлекся на свои руки, на истончившуюся кожу и проступившие вены. Как же это все несправедливо!! Отец в этом возрасте выглядел лучше. Вроде бы. Почему именно он, Томас Гессен, миллиардер, должен проходить через этот позорный биологический распад?

...Началось все со зрения. Сначала казалось, будто он просто хронически не высыпается. Потом пришлось увеличить масштаб в гаджетах, потом, все-таки, пришлось переступить через себя, сходить к офтальмологу и купить очки, потом еще раз, и еще, и дальше будет хуже.

На руках проступили пигментные пятна, типа веснушек. Их пока немного, но ведь будет больше.

Стридцати лет он закрашивал седину. Но тогда это были редкие седые волосы, а сейчас...

Он не заслужил такого. Мир ему должен. Надо что-то делать. Срочно.

На поиски ушло два месяца и много денег. И не зря!

Томас прилетел в Берлин вечерним рейсом без багажа. Из аэропорта он сразу отправился по нужному адресу. Ближе к полуночи он добрался до неприметного здания на окраине Нойкёльна, в полуподвале которого располагалась круглосуточная вет клиника. Вокруг было безлюдно. Дверь оказалась незапертой, и Томас аккуратно, опасаясь чем-нибудь заразиться, вошел внутрь. В нос сразу ударил целый букет разных, в основном неприятных, запахов. Внутри никого не было видно. Томас робко пошел по коридору. В одном из кабинетов он заметил женщину в медхалате в наушниках, заполняющую бумаги. Пытаясь не привлекать внимания, он тихо двинулся дальше.

Наконец он увидел его. Со спины. Простая голубая медицинская роба, светлые волнистые волосы. Это точно он. На руках он держал кота, оглушительное мурчание которого, казалось, создавало странную вибрацию, ударяясь о стены.

- Привет, дядя Вернер!

Мурчание кота мгновенно оборвалось вместе с вибрацией, и наступила абсолютная тишина...

Глава 11

- Привет, дядя Вернер.

Вернер спокойно повернулся, крепко прижимая к себе кота, словно тому грозила опасность. На его лице читалось легкое недовольство.

- Зачем ты здесь?

Томас миллион раз прокручивал в голове предстоящий диалог, но в нужный момент все мысли, словно мелкие рыбки, юркнули в разные стороны, предательски оставив голову абсолютно пустой.

- Я хочу стать таким же! ... Как ты ... Сделай меня бессмертным!

Вернер засмеялся, что стало для Томаса полной неожиданностью. Растерянный, он продолжил нервно подбирать слова.

- У меня есть деньги... Много денег... Я могу дать тебе все...

Вернер слушал не перебивая, с немного издевательской улыбкой на лице. Ему было искренне любопытно, до каких еще глубин готова унизиться и какую глупость способна сморозить эта человеческая особь, привыкшая считать себя королем мира.

- Вернер, пожалуйста...

Голос Томаса звучал настолько неуверенно, что Вернеру даже стало его немного жаль.

- Ты зря приехал. Мне нечего тебе дать.

От этих слов у Томаса подкосились ноги, и он тяжело опустился на стоящий рядом стул. Было невыносимо стыдно от того, что Вернер видит его столь беспомощным.

- Почему??? ...Я ведь могу просто выпить твою кровь?

- Моя кровь токсична. – спокойно сказал Вернер.

Томас судорожно пытался откопать в пустой голове нужные аргументы.

- Почему токсична? ...Ты это всем говоришь. Да? ...Я же могу забрать тебя ...И делать с твоим телом все, что понадобится...

Вернер почувствовал легкий холодок внутри. С его телом давно уже проделали все, что только можно себе представить и даже то, что представить нельзя. Оно не принадлежало ему слишком долго. Старая рана отозвалась болью, но лишь на мгновение. Благодаря долгим годам психотерапии он научился с этим жить. Прошное больше не имело над ним власти, и эта вспышка памяти никак не отразилась на его лице. Там все еще держалась легкая улыбка, полностью сбивающая Томаса с толку. Он ведь не отстанет. Придется разжевать ему очевидное. Вернер молча поместил кота в клетку, закрыл дверцу и сел на стул напротив Томаса.

- Я мутант. Но я не сам стал таким, меня обратили. Теперь я часть другого вида. Мы живем несколько другими ценностями, и мы не бессмертны. Даже от гриппа можем умереть... Мы не берем из людского мира лишнее. Ты – лишний. Такие как ты, нам не нужны. Станешь для нас опасен, тебя убьют. Ты должен понимать: у нас всё схвачено.

- Но я миллиардер... Вы же пользуетесь деньгами... Почему я лишний??

В голове Томаса это попросту не укладывалось. Деньги были его идентичностью, его силой, которая подчиняла людей, заставляла их прогибаться, менять свое мнение и исполнять его прихоти. И теперь он уперся в глухую стену, которую ему нечем пробить. Невозможность прогнуть под себя собеседника вызывала у Томаса недоумение, граничащее с паникой. Его выверенный шаблон взаимодействия с миром трещал по швам в подвале какой-то задрипанной берлинской ветеринарки.

- Что значит «лишний»?

- Бракованный. Неполющенный. Порченный. Видишь ли, вампир с дефектной психикой ставит под угрозу существование всего нашего вида. В людской популяции иногда происходят случаи самообращения. Для этого некоторые из нас и живут среди людей. Мы их отсле-

живаем и удаляем при необходимости. К счастью, это происходит редко, один-два раза в год. Собственно, ради этого я и торчу в Берлине последние четыре года. Тебе придется доживать свою жизнь обычным человеком. Но всё не так плохо — у тебя ведь есть деньги.

Томас смотрел на Вернера и не мог понять, что именно сейчас произошло. Словно в его мозге не было места, куда можно было поместить услышанное. Он облизал пересохшие губы и сжал кулаки. Сглотнув слюну, он продолжил, почти потеряв голос:

- У меня...

Голос сорвался. Томас закашлялся и попробовал снова.

- У меня есть деньги... Ты это понимаешь?

Вернер нисколько не изменился в лице и все также смотрел на него со смесью жалости, в которой Томас видел надменность, и легкого любопытства. И это было хуже всего. Надо было поставить наглого мальчишку на место!

- Да чем ты лучше меня!?! Мнишь себя высшей расой?? Ты живешь как крыса! В маленькой квартирке!! Одеваешься в секонд-хенде! ...Ты убил моего отца! ...Ты мне должен! ...Мне пришлось подчищать за тобой!

- Я не просил.

- Что??? А у меня был выбор??? Это твое... послание... - Томас ткнул пальцем себе в лоб. — Ты зачем это сделал?! Я же не мог его так оставить! Мне пришлось топить тело в болоте! Самому! Зачищать весь дом! Ты хоть представляешь, как это тяжело!?! Не просил...

Вернер вздохнул, поднялся, подошел к клетке, достал кота и нежно прижал к себе, от чего тот снова замурчал, и пространство вокруг наполнилось легкой вибрацией.

- Тебе стоит уйти. Тихий и спокойный голос Вернера только подливал масла в огонь. Бледный от злости Томас встал со стула и с презрительным недоумением посмотрел на совершенно непонятное ему существо.

- За тобой должок, дядя.

Идя по коридору, который, казалось, сужался прямо на глазах, он вновь прошел мимо приоткрытой двери в кабинет, где женщина в медхалате и наушниках так и сидела за своими бумагами, не обращая внимания ни на что другое. Томас почувствовал себя невидимым. Надо было срочно выбраться из этого странного, неправильного места, где он был никем. Томас толкнул незапертую дверь и вышел наружу. Темнота и свежий воздух постепенно помогли вернуть чувство контроля над ситуацией. Он обязательно что-нибудь придумает. Но это потом. Ведь у него есть деньги. И связи. В конце концов, он же Томас Гессен, миллиардер. И мир ему должен.